

Легко. Мутя, Жарри создал свою страшную марионетку короля Убю и угодил в плен собственного гротескного порождения.

Никакой логики в поступках, никакой конечной цели Убю не преследует. Он сиюминутен и непредсказуем. Став польским королем, он велит дважды взимать налоги, а затем и сверх того трижды. «С такой системой я живо разбогатею, потом всех убью и уйду» — вот «смысл» той бессмысленности, которую исповедует Убю. Его логика абсурдна, он сам не знает, что он захочет в следующее мгновение. А побыв королем, ему захочется стать рабом. Не случайно в режиссерских интерпретациях обе «зеркальные» пьесы Жарри «Король Убю» и «Убю прикованный» объединяются, как правило, в одну постановку.

Отказавшись от принятия реальности, Жарри предложил взамен свой «патафизический» мир, в котором возможно все, как, например, в финале его «Убю-рогоносца». Убю прерывает затянувшийся диалог двух персонажей, заметив, что пьеса продолжается слишком долго, когда вдруг, безо всякой логики и подготовки, никак не соотносясь со всем предыдущим ходом событий и вообще ничего не означая, по звонку выходит... Крокодил (!).

Почему Крокодил, откуда? Праздник во-

король!

авангарду?

прос, достойный многозначительного ответа: а почему бы и нет? Как в «Алисе» Кэрролла: множество чего? А ни-че-го, просто—множество. Только алогичный ход.

Концепция абсурдности требовала новой драматургической формы, и Жарри ее предложил. Из зерна, брошенного им, вырос театр абсурда в целом и не только французский (Виткевичу, Мрожеку, Галчинскому, Ружевику и многим другим этот жанр оказался родным, а мироощущение Жарри оказалось духовно близким).

Вместе с сумасшедшим деспотом «его Единственностью» Дюбалом Вахазаром из одноименной пьесы С. И. Виткевича и Королем из пьесы Ионеско «Король умирает» Убю составляет отменную королевскую семью. Как

будто Жарри и это предвидел, назвав Убю «папашей». С интервалом в 30 лет появились в драматургии его «дети», прямые «наследники идеи».

Рычащему, пускающему пену Вахазару, «современному Рамзесу Второму», никто не сможет осквернить мысль, потому что он, как и король Убю, их не формулирует. Он остается до поры безнаказанным за все свои бредовые «методы правления», потому что срабатывает «инстинкт массы».

Король у Ионеско напоминает Убю, прикинувшегося Ричардом II, королем-страдальцем. Своими абсурдными притязаниями он подтверждает страшные предвидения Жарри: «Мой портрет во всех министерствах, во всех больницах. Пусть дадут мое имя всем кораблям, самолетам и яхтам. Пусть извивы рек в долинах образуют мой профиль. Пусть меня все именуют, упрашивают, умоляют».

Заметно «фамильное» сходство драматургии Жарри с пьесой С. Мрожека «Стриптиз». Общий мотив мнимой «свободы» в условиях тотальной неволи. Это «свобода» в закутке, минимальная, жалкая, скудная: захочу сяду, а захочу встану или ногой-рукой пошеве-

лю — вот уже и чувство свободы переполняет убогое существо героя Мрожека, оказавшегося с другим таким же в ловушке, откуда выхода нет. Витиеватые плетения их «мыслей» подобны тому, как смело «не повинуются» Свободные люди Жарри, а его «Убю прикованном», и тому безропотному послушанию, которое демонстрируют подданные короля Убю, фанатики «великого примера», слепо рвущиеся ради него в тартарары.

Наверное, «Убю прикованный» оказал на театральных авангардистов наибольшее влияние. Парадоксальная игра словами приводит к абсурду: долг — быть свободными; не повиноваться на счет раз, два, три, словно это разовое действие, как поворот кругом; не дисциплинированность по команде; наказание за выполнение приказа. Словом, все наоборот.

Нонсенс Жарри фантастичен, но не бессмыслен. Он создал гротескно-сатирический образ папаша Убю, безмозглого фанатика бредовой идеи и вообще всех наихудших человеческих грехов, бичеванию подлежащих. Но Убю-обыватель смешон, Убю-диктатор страшен своей вероятностью и безнаказанностью. Драматург и не подозревал, какое предостережение таится в его карикатуре, какими смертоносными окажутся амбиции разных «убю».

Единого авангарда не существует, как нет никаких точных, конструктивных установок, что это такое. Пожалуй, Р. Шеттак предложил самое точное определение: авангард — это «традиция ереси и оппозиции, бросившей вызов культурным ценностям во имя индивидуального сознания». Авангард — это краткий период, его отличительное проявление не только бунт, но и обновление. В эссе, названном «Нет авангардного театра», Ионеско отверг мысль об авангардном театре как некоем промежуточном этапе. Он видит авангард как реставрацию, возвращение к фундаментальным моделям театра, возвращение к театральному примитиву и обращение к человеку, не к обществу, а к человеку как центру драматического универсума. Его цель — отыскать вневременную истину и связать ее с нашим временем.

Наталия РАПОПОРТ.

● Портрет месье Убю. Рисунок А. Жарри, напечатанный в факсимильном издании «Короля Убю» (1897 г.).

● А. Жарри в 1896 г.

Фото Надера.